

УДК 94(47)"17/1917"

О.А. Сухорукова

Формирование понятия «нация» в общественно-политической мысли России

В статье идет речь о понимании и интерпретации понятия «нация» в российской общественно-политической мысли. Рассматривается процесс формирования понятия «нация» в контексте европейской культуры. Уделяется внимание особенностям и ключевым моментам европейской национальной формулы, говорится о том, как это представление о нации повлияет на аналогичный процесс в России, в котором будет и подражание национальному дискурсу Европы, и свои оригинальные находки.

Ключевые слова: нация; либеральная идеология; национальная культура; национальный суверенитет; евразийство.

Определения нации и национализма на сегодняшний момент вызывают споры. Универсального понятия нет, и как считают исследователи, «единая, универсальная теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции...» [7].

Согласимся с этим и добавим, что нация — это не застывшая и неизменная константа, а сложившийся социально-культурный и политический феномен, который формируется в определенное историческое время, и от этого времени, а также в зависимости от историко-культурной традиции конкретного общества зависят главные компоненты его определения. Исторический подход позволит уйти от противоречий, которые имеют место быть в национальном дискурсе при создании универсального понятия нации.

Согласно большинству исследователей национализма, понятие «нация» появляется в период Нового времени, с началом становления рационалистического естественного права, при котором происходит освобождение от моральной теологии и формируется новое осмысление правового бытия человека. Нация является продуктом европейской культуры, ее рождение связано с модернизацией экономики и секуляризацией общества, что в конечном итоге определило ее как рациональный конструкт Нового времени. Национализм в Европе, если это понятие интерпретировать как нормальное закономерное развитие общества через образование социокультурной общности или гражданской общности в определенный исторический период, стал естественным результатом, который был необходим для единства социума в период, когда старые этнические и религиозные ценности перестали выступать в качестве главного критерия идентичности. Параллельно с этим возникла необходимость воплотить в жизнь ценности демократии, без чего невозможно было выстроить

новые отношения и внутриобщественные связи. Таким образом, образование нации и построение демократического общества шли рука об руку, это был процесс взаимозависимый.

В XVIII веке во Франции большую роль в обосновании национального дискурса сыграла философия просветителей, которая утвердила идеи суверенной личности, общественного договора и естественных, неотчуждаемых прав человека. Новаторство этих идей позволило сформулировать новую концепцию личности, которая приобрела универсальный и абстрактный характер, произошла унификация субъекта права, упразднившая многочисленные юридические статусы — сословия, характерные для феодального общества.

Производной концепцией правовой личности стала идея Ж.-Ж. Руссо о воле народа (нации), которая означала социально-политическое единство свободных людей, их равенство и их право в этом единстве выражать свою волю и свою независимость от кого бы то ни было. В этом контексте суверенитет или право народа на самоопределение означал в первую очередь законность выбора свободных людей, право данного социума выражать свои права, защищать их и создавать законы — *на тот момент это было определение самостоятельности народа, а не провозглашение национальной независимости государства или его образования*. Идеи о верховенстве власти народа, о законе как общей воле не имели на тот исторический момент этнического или национально-культурного характера, а само понятие нации определялось через политико-правовые положения: права и свободы личности, определяющие равенство всех; верховенство закона народа — нового субъекта права. Все это впоследствии оформится в политико-правовую традицию, которая и определит культурную составляющую европейского национализма.

Великая французская революция реализовала идеи просветителей, уничтожила сословные перегородки, объединив элиту с остальными социальными группами населения, способствуя гомогенизации общества на основе общей идеологии. В итоге появились граждане одной нации, а их национальная идентичность определялась ценностями либерализма.

Таким образом, Франция стала классическим примером образования первой нации, в основе которой лежит не этничность, не кровнородственные связи, а общность по принципу гражданственности. Все граждане одного отечества. Юридически у всех равные права и обязанности, поэтому французская нация строится на демократической основе, ее национальный проект сродни проекту построения демократического общества. Так, например: «В июне 1793 г. Робеспьер предлагал изгнать иностранцев из Франции. При этом сами понятия “француз” и “иностранец” значительно изменились. Иностранцами объявлялись не только подданные других государств, но и все враги республики. “В республике нет граждан, кроме республиканцев. Роялисты, заговорщики — это лишь иностранцы для нее, или вернее — враги”. Соответственно слово “француз” становится синонимом слова “патриот” и воспринимается

не как указание на происхождение, а как высокое звание, которое можно приобрести или утратить» [8].

Уже после Французской революции понятие «нация» соответствует понятию «национальное государство». Самоопределение нации в прежнем руссоистском понимании переносится на самоопределение государства, т. е. на его государственный суверенитет. Нация и общество, нация и государство — эти понятия соотносятся, и в XIX веке мы видим процесс, в котором понятия «национальное государство» и «образование наций» сопряжены, появляется знаменитый политико-правовой тезис: «право нации на самоопределение».

Универсальность и одинаковость понимания и интерпретации понятия нации спровоцировали ответную реакцию: рациональный конструкт нации во Франции и других европейских странах оживляется романтическими поисками своей оригинальности через попытки определить культурную самобытность народа.

Здесь мы видим практическое осуществление закона Г. Спенсера о единстве и борьбе двух взаимосвязанных процессов в развитии общества — дифференциации и интеграции. Если социальная интеграция влечет за собой дифференциацию, то объединение частей в целое неумолимо способствует обратной реакции — их разъединению. И наоборот, чем больше разнообразия между частями общества (чем сильнее дифференциация), тем неумолимее действует встречный закон их интеграции.

Именно поэтому в этот период мы наблюдаем интерес к своей культуре, национальному языку, который в конечном итоге приводит к возрождению своей традиции, а иногда даже к ее созданию. Концепт нации начинает включать в себя целый комплекс культурно-религиозных, социально-экономических и политических элементов общества, объединяет их в едином политическом пространстве на основе культурно-исторических ценностей. Разумеется, эти ценности имеют свою самобытность и индивидуальность, обусловленную историческими особенностями развития данной страны, этнических сообществ, проживающих на данной территории и включенных в общий культурно-социальный контекст развития региона. Таким образом, давая определение нации, мы говорим и об этих критериях, которые могут отличаться, могут быть разными. В одном случае — это общий язык, в другом — политико-правовая традиция, в третьем — социокультурная доминанта и т. д.

Однако даже этот процесс, имеющий своей задачей восстановить, воскресить, вернуть или даже сочинить свое знаменитое прошлое, сворачивал с оригинальной самобытности в сторону либеральной демократии. Когда вместо национально-культурного творчества появляется подражательный политический эффект. Именно об этой особенности национального процесса пишет русский философ XIX века К. Леонтьев: «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации» [6: с. 452].

Таким образом, национальный дискурс, рождаясь в XVIII веке и видоизменяясь в XIX веке, имел одну очень важную особенность: *несмотря на появившиеся со временем культурно-исторические особенности, его доминанта носила ярко выраженный идеологический характер, а ценности были либерально-демократические*. Эта одна сторона вопроса, на которую следует обратить внимание, говоря о формировании национального дискурса, и эта особенность носила исторический характер.

В XVIII веке появляется еще одна важная концепция, ставшая доминантой в общеевропейском социокультурном контексте: *теоретическое обоснование единства мира — его культурное единообразие*. Единство культуры рассматривается как одинаковость — универсальность, ее основу составляют ценности западноевропейской культуры. Многообразие культурных миров, возникшее после великих географических открытий, воспринимается как временная культурная отсталость народов от европейской цивилизации, которая, в свою очередь, должна выполнять цивилизаторскую функцию по отношению к этим реликтовым обществам. Неслучайно, рассуждая об общем ходе развития мировой культуры, философы-просветители придерживаются теории прогресса, автором которой является маркиз де Кондорсе. Напомним, что согласно этой теории, существует универсальное развитие мировой истории, состоящее из трех ступенек: дикость, варварство, цивилизация, — и третья ступенька занята только одной — европейской — культурой, тогда как остальные находятся на пути к ней.

Теория прогресса становится доминирующей в XIX веке, а сам век стал вершиной могущества Западной Европы: благодаря становлению колониальных империй западная цивилизация достигает своей кульминации. Научный сбор фактического этнографического материала, его интерпретация идет на пользу теории единообразия культуры, в основе которой лежат доминирующие в науке эволюционистские идеи Э. Тайлора. Концепция эволюционизма утверждала, что все культуры, этносы, народы проходят одни и те же ступеньки развития, а так как Европа оказалась впереди всех, то на нее возлагается цивилизаторская функция по отношению к другим, отстающим народам. Эволюционистский подход способствует появлению концепции европоцентризма, согласно которой существуют отсталые народы, но необходимо их окультуривать, т. е. европеизировать.

Все явления социокультурной жизни теперь рассматриваются с позиции европейской культуры при использовании ее методологии. Национальный вопрос не стал исключением, поэтому ключевым вопросом европеизации станет следующее положение: *национальный вопрос — это вопрос социально-политический*. Национальный конструкт не может рассматриваться без социальных перемен в обществе, без юридического уравнивания всех социальных групп населения и права народа — социальной общности — на верховенство закона. Другими словами говоря, европеизация означала оценку неевропейских

культур и цивилизаций с позиции культурных ценностей либеральной идеологии. К политико-правовому обоснованию нации присоединяется понятие национального суверенитета.

Либеральная идеология и политический тезис о праве наций на самоопределение определит в дальнейшем не только культурную традицию Франции, он окажет значительное влияние на формирование национального дискурса в других регионах Европы, в том числе в России. «Наше время протекает под знаком “самоопределение народов”. Принято считать, что самоопределение народов, образование национальных государств — главный факт новой истории», — пишет уже в XX веке П.М. Бицилли [2: с. 119], отмечая, что есть новые политические образования, но нет новых, самобытных культурных сообществ. Налицо явное несоответствие политического количества новых наций-государств и качества их культурной оригинальности.

В начале XIX века либерально-демократическая интерпретация понятия нации (без лозунга «право нации на самоопределение, он появится позже) переносится на российскую почву. Оказавшись в сфере влияния европейских идей, общественно-политическая мысль России заимствует западную политико-правовую традицию, а вместе с нею и представление о национальном вопросе. В этом смысле интересно проследить, как идет процесс влияния на социокультурные ценности, ставшие основой теперь для российского национального дискурса. Главной проблемой национального вопроса России вообще, а в частности — понимания, что такое нация, — станет особенность Российской империи, которая в отличие от европейских государств была слишком неоднородным и полиэтничным образованием. Это была одна сторона вопроса, с другой стороны, у истоков образования страны стоял русский народ, который на протяжении веков был главным стержнем формирования российской государственности.

Смещение национального вопроса с социальным и политическим элементами заметно уже в проектах декабристов. Мы видим влияние идей просветителей на решение национального вопроса у Павла Пестеля в его «Русской правде» и у Никиты Муравьева в его «Конституции». Заметим, что знаменитый принцип федерации в проекте Н. Муравьева не носил национального характера, в ее основе лежал административно-хозяйственный принцип, поэтому ни о каких национальных субъектах федерации в данном случае речь не шла. У Павла Пестеля вопрос о праве нации на самоопределение решался по известному нам принципу унитарного устройства Российского государства: «малые народы обречены находиться в подчинении у больших народов. Пестель считает, что “лучше и полезнее будет для них самих когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующего Народа составляя с ним только один Народ” (VII, 121–122)» (цит. по: [8]).

Объединение всех народностей, проживающих в России, в одну нацию — вот главная идея Павла Пестеля, идея, которая стала зеркальным отражением

идей просветителей, когда представление об универсальном человеке как субъекте и объекте права переносится на универсальный характер нации. Пестель считает, что создание русской нации — это задача, которая будет решена в перспективе, а изменение, сглаживание и уничтожение этнических, культурных, религиозных границ социальных групп — это вопрос времени. Культурная традиция — это формальность, которая в будущем прекратит свое существование. Русский язык, как и французский, сможет сыграть решающую роль в формировании нации, так как он выполняет функциональную роль как один из главных факторов нациообразования. Революционные преобразования, которые коснутся изменения государственной формы власти, создадут новые органы народовластия, уничтожат сословия и т. д. Образование русской нации — это образование нового государства и, по декларации Пестеля, это возвращение к древнерусской демократической традиции, а по существу, в основе нации лежит унификация культурных традиций, которая в перспективе разрушит различия между народами России и создаст единую нацию на основе либеральной идеологии.

«В своих преобразовательных проектах Пестель выступал не как русификатор, а как рационализатор. Поэтому его национальная политика, предусматривающая слияние всех народов, населяющих Россию, в единый народ, предполагала создание нового народа как материала для рационально устроенного государства. Предлагаемая им с этой целью единая культурная основа, отдаленно напоминающая древнерусские традиции, в действительности не имела с ними ничего общего» [8].

Легко объединяя народы Российской империи в одну социокультурную общность, Пестель отмечает проблему, связанную с этим процессом. Есть два народа — польский и еврейский, — которые в силу своей исторической, религиозной традиции не смогут ассимилироваться с русским этносом, поэтому Пестель предлагает два варианта решения этой проблемы: Польша получает больше свободы, чем все остальные народы России при условии выбора в пользу демократии, либеральной идеологии и т. д. Еврейский народ, по причине его религиозной консервативности и культурной обособленности, предлагается выселить за пределы России.

Появившись немного позже, уваровская формула, традиционно считающаяся отображением консервативного крыла отечественной мысли, повторяет те же принципы национализма, сформированного французами и декабристами. Конечно, ее содержание — это столпы консервативно-охранительной идеологии. Однако анализируя, как строится национальный конструкт, мы увидим следующее: идентичность русского народа можно рассматривать через монархическую идею и православие, верность царю и Церкви. Сама формула предполагала единство на основе идеологии, только теперь уже не на либеральной основе, а на религиозно-монархической: «Если православие Уваров понимает как русскую веру, а самодержавие как русскую власть, то русским человеком может быть только тот, кто привержен своей церкви и своему государю» [3].

Но как поступать с теми, кто не принадлежит или не исповедует эти принципы, нам непонятно. С учетом многонациональности Российской империи этот подход кажется невозможным для его осуществления. Таким образом, национальный проект Уварова, несмотря на его консервативные составляющие элементы, по существу, предлагает ту же гомогенизацию российского общества, внешне похожую на французскую, только на другой идейной основе.

Либерально-демократическая идеология одних и религиозно-монархическая других оказываются главными форпостами в национальном дискурсе России, а сам национальный вопрос в общественно-политической мысли России — это вопрос противостояния двух идеологий: либеральной и консервативной. Между тем и та и другая предлагает национальный концепт по рациональному принципу — унифицировать народы России на основе общих идей.

В начале XX века национальный вопрос в общественно-политической мысли России будет идти параллельно с вопросом социальным. С 1864 года до начала революции 1905 года, как отмечает известный австрийский ученый А. Каппелер, в России не было ни одного крупного восстания нерусского населения [4: с. 207], а вопросы национально-политические, связанные с созданием своей государственности и отделения от России, если и возникают, то чаще всего носят второстепенный, подчиненный характер. «Что касается российских социал-демократов, то хотя они еще в 1903 г. приняли принцип права наций на самоопределение, однако для интернационалистски настроенной рабочей партии национальный вопрос имел подчиненное значение» [4: с. 268]. Изучая специфику национальных движений и особенности формирования национальных партий, ученый отмечает: «...на первый план всех думских дебатов выдвигался аграрный вопрос, в то время как специфические национальные проблемы лишь sporadически становились предметом обсуждения» [4: с. 252]. Это касалось даже таких сложных в отношениях между центром и периферией регионов, как Польша, Прибалтика, Закавказье.

В 1905 году ситуация меняется, и, как отмечает в своем исследовании И.А. Лапина, в период с 1905 по 1917 год в России возникло 47 национальных партий [5], все они выступали в защиту интересов этнических меньшинств касательно сохранения национального языка, вопросов по религиозному самоуправлению, созданию условий для развития своей культуры. Все они не ставили перед собой цели создать отдельное от России суверенное государство. Речь шла только о национально-культурной автономии.

После февраля 1917 года, когда в стране был установлен бесцензурный период, на страницах периодической печати (150 газет и более 300 журналов) [5] появляется огромное количество материалов по вопросу национально-государственного устройства России. В общей сложности все проекты можно разделить на два направления: унитарный (касался и либералов, и монархистов) и национальный (представители революционных партий — за право создания каждым народом своей национальной государственности).

Несмотря на разницу, между ними была общая черта: *в либеральном, монархическом и революционном проектах мы видим оживший рациональный конструкт исторического прошлого по созданию русской нации*. Так, у либералов и монархистов — унификация народов в одно целое и создание, следовательно, нации. «В представлении либералов все народы России, получив гражданское равенство, будут готовы составить единую нацию, сознающую свою политическую целостность в границах Российской империи, а Учредительное собрание станет выразителем ее воли» [5]. Монархисты вопрос единства нации собирались решать при помощи диктатуры. Позиция «Пуришкевича была на стороне тех, кто пытался сохранить единство с помощью военной диктатуры» [5].

Революционные партии, выступая за децентрализацию России, все же не в этом видели свою главную задачу. «Трактовать расплывчатое право на самоопределение как право на немедленное и полное политическое отделение весной 1917 г. решалась только ленинская “Правда”. Ругая правительство за “аннексионистскую политику”, а меньшевистскую “Рабочую газету” за чрезмерную осторожность в финляндском вопросе, В.И. Ленин призывал не бояться признать свободу отделения всех наций: “Не насилем надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительным свободным соглашением, невозможным без свободы отделения!”» [5]. Однако, скорее всего, это был тактический ход в политической борьбе за власть. И хотя «выборы в Учредительное собрание показали, что большинство нерусских жителей страны в ноябре 1917 г. голосовали за свои национальные партии, это не означало, что теперь национальные факторы повсюду обрели больший вес, чем факторы социальные; это, скорее, подчеркивает ту истину, что национальные и социальные движения в 1917 г. развивались одновременно и в тесном взаимодействии друг с другом. В программах большинства национальных партий социальные моменты имели значительный вес» [4: с. 270]. Каппелер подчеркивает, что представители национальных партий были ближе к своим соотечественникам, и это внушало доверие избирателям и, как они полагали, способствовало лучшему решению вопросов своего региона.

Только после революции 1917 года в среде русской эмиграции началась переоценка идейного наследия отечественной общественно-политической мысли. В 1920–1930-е годы ориентация на европеизацию русской культуры, в том числе и на европеизацию национального вопроса, стала главной чертой нового постреволюционного движения — евразийства, представители которого подвергают критике прежние идеи дореволюционной России, противопоставив свою концепцию не только либерально-демократическим, но и консервативным идеологиям прошлого. Евразийцы заявили о России как о целостном, культурно-географическом мире под названием Евразия. Их идеология была сложной, противоречивой и не со всеми ее сторонами можно согласиться, однако есть положения, которые заслуживают внимания.

По мнению евразийцев, в истории европейского права понятие «национальность» соотносится с юридическими рамками государства. Нация, считают они, сложилась и определяется в Европе с того момента, когда завершился процесс образования государства. Это говорит не о самой сущности нации, а об особенностях ее формирования в европейском регионе, при этом понятия «нация» и «государство» становятся синонимами. Эти два положения европейского определения национальности нельзя применить к другим регионам мира, в том числе к Евразии, где процесс образования русской нации шел параллельно с образованием государства, а не в конце его формирования, как это было в Европе. Особенностью России при создании ее государственности стало участие в этом процессе многочисленных народов Евразии. В течение длительного исторического периода каждый из них, имея социокультурные особенности, сохраняет их в том или ином виде, несмотря на вхождение народа в состав Российской империи. Политическая интеграция народов влекла за собой передачу культурных ценностей в общероссийский котел. Но это не была унификация культуры, народы России-Евразии включались в общий контекст российской цивилизации, не теряя своей самобытности. В зависимости от региона страны, от политического уровня общества, его социально-экономического развития происходило это по-разному. Как бы там ни было, в результате сложился особый тип евразийской культуры, который евразийцы определяют как многонародную нацию-культуру, или соборную, симфоническую личность, включающую в себя социокультурные особенности всех народов и их общий исторический путь по становлению и развитию Российского государства.

Нация для евразийцев — это в первую очередь не рациональный конструкт, основанный на юридической формуле или идеологической основе. Нация, считают они, это самобытная культура общества, в котором каждый народ выражает свою индивидуальность через культуру, через высшие духовные ценности своей культуры. Понятие национального проистекает из способности нации найти свое лицо, найти особенности своей культуры, поэтому не может быть общечеловеческой культуры, основанной на общих духовных ценностях. Поэтому Евразия как многонародная личность не может уместиться в европейское понятие национальности, в основе которого лежит либо идеологический, либо формально-правовой принцип.

Если такое случается в исторической жизни или если провозглашается такое наименование, то речь идет о космополитической, или интернациональной, культуре, в основе которой лежат не духовные ценности, а ценности материального мира — конкретной политической реальности. Происходит отступление от истинного понимания нации, и, как следствие, возникает несколько видов неверного понимания нации, формируется ложный национализм. Евразийцы считали, что в государственной политике России принципы ложного национализма нашли свое воплощение в послепетровский период. В одном случае это была попытка соответствовать европейскому образу.

Она нашла свое выражение в политике русификации, при которой была установлена на унификацию национального процесса. В другом случае было стремление законсервировать исторические формы культуры в современной жизни на основе традиционной идеологии, которая стала бы общей для всех народов России. Подобная государственная политика не учитывала, как считали евразийцы, особенностей формирования российской (евразийской) национальности, отличия этого процесса от подобного в Европе.

Евразийцы предлагают рассматривать нацию как соборное единство индивидуумов, отображающих особенности национальной жизни; как личность, живущую через посредство входящих в нее индивидуумов. Поэтому для них Россия — это не национальное государство в европейской терминологии, это особый культурно-исторический тип, созданный «путем превращения многокультурного и многонационального» мира в «наднациональную евразийскую культуру» [1: с. 419]. Эта культура находит свое выражение в «живой многонародной нации-личности» [9: с. 423], которая называется евразийской, а ее национальное проявление обозначается как евразийский национализм. Общевразийский национализм основан на братстве всех народов, проживающих на территории Евразии. «В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб» [9: с. 424]. Итак, *национальная формула евразийской нации — это единство России в культурном многообразии ее народов, которое сложилось в результате общего исторического прошлого.*

Новая формулировка нации не была востребована Советской страной, хотя принцип «общая историческая судьба народов Евразии и братство всех народов» в советской интерпретации «общая историческая судьба народов СССР и их братский союз» является одним из определяющих компонентов появившегося в Конституции 1977 года понятия «советский народ». Однако национальная формула «советский народ» несмотря на внешнее сходство с общевразийским национализмом возвращается к прежнему рациональному конструкту нации по европейскому образцу. *Ее основа — это коммунистическая идеология, она не отражает главную идею евразийцев о многонародной, симфонической, соборной и культурной личности российско-евразийской нации.* Поэтому после уничтожения социалистической идеологии и распада СССР понятие «советский народ» как национально-правовая дефиниция лишается свой основы и прекращает существование.

Для современной отечественной науки уйти от универсального подхода в определении нации становится одной из главных задач. Здесь необходимо учитывать особенности исторического опыта по формированию этого понятия. *С учетом социокультурных особенностей страны нам представляется возможным дифференцированно использовать понятие «нация», разделив его на смысловые дефиниции.*

Во-первых, российская нация — это политический конструкт, и в этом случае мы все граждане России, все россияне. Во втором случае, используя культурно-исторический подход, в основе которого лежат оригинальные ценности, мы говорим о существовании народов, входящих в состав Российского государства, в числе этих народов есть и русский народ. В-третьих, русская культура как национальная культура, включающая в себя целый ансамбль народных компонентов, который создает уникальное гармоничное произведение, состоящее из огромного количества культурных вариаций. В этом случае мы говорим: «Расул Гамзатов — это русский поэт, аварец по происхождению, а Фазиль Искандер — русский писатель абхазского происхождения». Русская культура как белый цвет, который при его разложении дает эффект радуги. Но если радуга — это только семь цветов, то русская национальная культура представляет огромное сложное многоцветье всех народов Российского государства.

Литература

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
3. *Зорин А.Л.* Уваровская триада и самосознание русского интеллигента // Электронная библиотека Гумер — книги, учебники: история, психология, социология, религия, философия, культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspnen/04.php (дата обращения: 04.08.2017).
4. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.
5. *Лапина И.А.* Дискуссии о национально-государственном устройстве и положение этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г. // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskussii-o-natsionalno-gosudarstvennom-ustroystve-i-polozhenii-etnicheskikh-menshinstv-v-periodicheskoy-pechati-revoljutsionnoy-epohi> (дата обращения: 04.08.2017).
6. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. 544 с.
7. *Миллер А.И.* О дискурсивной природе национализмов // Файловый архив для студентов. StudFiles. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4299481/> (дата обращения: 04.08.2017).
8. *Парсамов В.С.* Национальная идея у П.И. Пестеля // Электронный архив документов учебного характера. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189042.html> (дата обращения: 04.08.2017).
9. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 799 с.

Literatura

1. *Alekseev N.N.* Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998. 640 s.
2. *Bicilli P.M.* Izbranny'e trudy' po filologii. M.: Nasledie, 1996. 710 s.
3. *Zorin A.L.* Uvarovskaya triada i samosoznanie russkogo intelligenta // E'lektron-naya biblioteka Gumer — knigi, uchebniki: istoriya, psixologiya, sociologiya, religiya, filosofiya, kul'tura. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspnen/04.php (data obrashheniya: 04.08.2017).

4. *Kappeler A.* Rossiya — mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. M.: Tradiciya – Progress – Tradiciya, 2000. 344 s.

5. *Lapina I.A.* Diskussii o nacional'no-gosudarstvennom ustrojstve i polozenie e'tnicheskix men'shinstv v periodicheskoj pechati revolyucionnoj e'poxi. 1917 g. // Nauchnaya e'lektronnaya biblioteka «Kiberleninka». URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/diskussii-o-natsionalno-gosudarstvennom-ustrojstve-i-polozenii-etnicheskih-menshinstv-v-periodicheskoj-pechati-revoljutsionnoj-epohi> (data obrashheniya: 04.08.2017).

6. *Leont'ev K.N.* Zapiski otshel'nika. M.: Russkaya kniga, 1992. 544 s.

7. *Miller A.I.* O diskursivnoj prirode nacionalizmov // Fajlovy'j arxiv dlya studentov. StudFiles. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4299481/> (data obrashheniya: 04.08.2017).

8. *Parsamov V.S.* Nacional'naya ideya u P.I. Pestelya // E'lektronny'j arxiv dokumentov uchebnogo xaraktera. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189042.html> (data obrashheniya: 04.08.2017).

9. *Trubeczkoj N.S.* Istoriya. Kul'tura. Yazy'k. M.: Progress, 1995. 799 s.

O.A. Sukhorukova

Formation of the Concept of «Nation» in the Social and Political Thought of Russia

The article deals with the understanding and interpretation of the concept of «nation» in Russian social and political thought. The process of formation of the concept of «nation» in the context of European culture is considered. Attention is paid to the peculiarities and key moments of the European national formula. The author tells how this idea of the nation would affect the similar process in Russia, which would also imitate the national discourse of Europe and their original findings.

Keywords: nation; liberal ideology; national culture; national sovereignty; Eurasianism.